

КОГДА-ТО в Московском театре сатиры шел спектакль «Город Глухов» по Салтыкову-Щедрину. На афише был изображен вымышленный всадник в шлеме Петра I со знаменитого памятника. Только конь этого всадника был больше похож на детскую деревянную игрушку, да и поза у него была не совсем подходящая: он упирался на передние ноги, резко подкинув вверх задние. А всадник на этой игрушечной коняго сидел, важно протягивая вперед «указующий перст»... И вот уже не памятник — а пародия, не великое — а смешное...

Театр сатиры за почти полувековую жизнь переживал сложности, неудачи. Но в последние годы, — а время идет быстро, и этих последних лет накопилось уже с десяток, — его линия в искусстве определялась вполне ясно. Здесь в лучших спектаклях не только обнаруживаются этот знаменитый единственный шаг от великого до смешного, но понимают и обнажают обратные связи. И от смешного, занятию, обычного героя спектаклей иногда возвращают шаг к подвигу, величию, даже бессмертию.

Скажем сразу — афиша театра разнообразна, новые названия в ней появляются часто. Главный режиссер театра В. Н. Плучек энергичен и молод, несмотря на недавно отразднованный юбилей. Театр сатиры — из тех живых организмов, от которых зрители многого ждут и требуют и куда ходят не от нечего делать, а от доброго пристрастия.

Единственный в стране театр сатиры лишь в пятидесятые годы обратился к сатире Маяковского. Зато теперь «Клоп» и «Баян» не только прочно вошли в его репертуар, но определили центральные, как мне кажется, линии театра. Речь идет о героической комедии и философской сатире.

Именно потому, что театр сатиры видит свою задачу не только в смехе и обличении, но и в утверждении, на его сцене появляются подлинные герои.

Появляется в спектакле «Таблетку под язык» умный и усталый, отвыкший на юмор и погруженный в сложные проблемы современной жизни председатель белорусского колхоза Каравай Георгий Менглет. Появляется в спектакле «Интервенция» одесский коммунист-подпольщик Бродский, появляется Василий Теркин, появляется русский солдат образца 1914 года Сысоев («У времени в плену»). Эти герои Анатолия Папанова сродни его подкованному Серпилану из фильма «Живые и мертвые», это люди, которые делают историю.

Сюда же примыкает и недавно поставленный Марком Захаровым спектакль «Темп-1929» по ранним пьесам Н. Погодина. История молодого советского государства

делалась заразительно-веселыми и молодыми людьми. И вот в разные стороны по металлическим конструкциям (1929 год, начало индустриализации) бегут, торопятся, сталкиваются, спорят и шов на бегу молодые хозяева жизни. И словно сердце, разгоняющее кровь по всему организму энергичными толчками, пульсирует в центре спектакля тоже веселый и беспокойный, обаятельный и совсем не героический и Матери — З. Зелинской.

и Матери — З. Зелинской.

Постоянно радостным открытием стала в спектакле работа молодого актера, А. Левянского. Центральный герой спектакля — юноша, почти еще мальчик, который упирался, взвораживался и как мог — навью, ну мело, ожесточаясь от всеобщей настоячивости. — сопротивлялся силе стандартизации. В нем все, несообразно. Длинная и как будто без костей фигура. Длинные руки, длинные ноги. Различные движения. Прижки по стеллажам и ползанье под столом. Он не по размерам этой стандартной квартиры, не по размерам стандартным развлечениям своего возраста — он, оставшийся единственным в семье потребителем книг. В этом ломком мальчике сидит какой-то вечный двигатель, такой он живой, подвижный внешне и душой. Но вечный двигатель тоже не подходит под стандарт — и он ломается. Выпрыгнув в порыве самоуверждения из окна, он остается живь, но мгновенно превращается в идиота и послушно спрашивает долгожданное для всех: «Можно поиграть в футбол?».

К какой из двух линий примыкают постановки классики в театре сатиры? Классики не так-то просто разложить «по полочкам». Она таит неожиданности, порой каверзные, порой добрые для театра. Не все согласны с, чуть замедленным, чуть меланхолическим, приглушенным развитием действия в «Жизни Фигаро», той самой, что Пушкин сравнивал с историческим шампанским. А Навоюев назвал «революцией в действии». Не все принимают несколько тяжелую подробность бытовых черточек и мотивировок в «Везевре», который, однако, переполнен блестящими актерскими работами. Но пьесы выбираются труднейшие, ставят их Плучек с полной отдачей сил, видит свой долг в том, чтобы работать над ними и вести к ним театр. И он, без сомнения, прав в этой позиции.

Итак... К нам едет «Ревизор». И еще восемь спектаклей. И вся провлашенная труппа. Столько актеров было уже названо, а сколько еще можно называть: Веру Васильеву и Ольгу Аросеву, Андрея Миронова и Бориса Новикова, Бориса Рунге и Спартана Мишулина, Михаила Державина и Александра Пирвиндта. Уже появились гастрольные афиши, уже раскуплены все билеты.

Начинаются гастролы. И ташкентские зрители вот-вот увидят спектакли театра сатиры. Увидят, как ослепшая и отрицая всяческую антигуманность, провозглашая ценность человека, театр «смеется, издевается и утверждает». Так писали о нем раньше, так можно повторять и теперь.

Т. ЗЛОТНИКОВА.

ЛИНИЯ

К. ГАСТРОЛЯМ
ТЕАТРА САТИРЫ

В

ИСКУССТВЕ

русский инженер Гай — Роман Ткачук.

Философская сатира — другая центральная линия в творчестве театра. Эти слова точнее всего определяют особенность спектакля о маршантите, которая продает войне товары и собственных детей, кормит войну и сама его кормит. В спектакле «Матушка Кураж» по В. Брехту, поставленном М. Захаровым, главную роль играет Татьяна Пельтер. Обязательна простота и, хочется сказать, уютность чудесной атмосферы придает благодаря ее мягкости народно-сказочное, остро обличительно-ирическое звучание философских проблем, заложенным в характере героини.

В творчестве театра «Затюканый апостол» (режиссер Е. Радомысленский) по пьесе белорусского драматурга А. Макаенка продолжается линия философской сатиры. В спектакле все символично, и каждый символ направлен на обнажение механизма, ведущего в буржуазном обществе к духовной гибели, и расценило молодого человека. В спектакле создается образ мира, где стандартизации по нм истребления человечности подвергается все — от домашней утвари и игрушек до интеллекта. И никому не нужные, во всю ширь и высоту охватывают сцену стеллажи, полные книг. Вековая книжная мудрость замечена и вытеснена всезнающими, у всех одинаковыми телевизорами и для всех одинаковым комментатором. Стандарт пронизает всюду, оя, пожалуй, не затронут еще только язык: в ней все изобретательны, вдохновенны, разнообразны. Несмотря на серьезность задач, драматург и театр создали предствление комедийного жанра, и именно в этом ключе идут сцены джи и разоблачений Отта — З. Высоков-

19 АПР 1973

Комсомолец Узбекистана
г. Ташкент